

ПРОШУ

Мне бы хватило малости,
сколько ни протяну:
дай ещё миг, пожалуйста —
соли морской вдохнуть.

Прежде чем успокоиться,
час до рассвета дай,
чтоб на каштане горлица
в горле катала май.

Пухом ли в землю, в урну ли —
дай мне хотя бы день
дома.
Волну лазурную
с чаечкой набекрень.

«ЯБЛОЧКО» С ВЫХОДОМ

Сколько лет бы с детства ни минуло,
а душе в разлуке не зачерстветь.
Прогуляйся стеночкой Минною
в одиночестве.

Ветер с моря, камень горячий бел,
съеден и туманом, и бурями.
Слива-дичка зреет. Иди себе,
знай, покуривай.

Тюлькин флот на привязи мается.
Цепи якорные заржавлены.
Мачты держатся всеми пальцами
за державное.

Жить и жить бы здесь с мамой, с папою,
а не так — от случая к случаю...
Ежевикой сердце царапает
боль колючая.

Воробьи на стеблях цикория
машут крыльями — ой, щекотно им.
Да у тебя самой вся история
перелётная.

Ты гуляй, покудова алый шар
в тучи за маяк не закатится.
Посиди на камне — да жаль, шершав,
мнётся платъице.

ДОЛГ

Послушай, тебе говорили
взахлёб и почти не дыша
про мачты, ревущие крылья
и тонущий солнечный шар,
про вытертые башмаками
ступени, что к пирсу ведут,
про то, что разобран на камень
твой Лазаревский акведук,
про то, как внезапно и резко
хватает жара за плечо,
про стайку девчонок соседских,
что лазают за алычой,
про чаек, гогочущих с крыши,
про то, как чернеют, тихи,
от павших шелковиц и вишен
отбитых дворов языки,
про то, что затягивать раны
и память узлами нельзя?
А я говорить не устану:
ведь кто-то же должен сказать.

МРАМОР

Каким же ветром мраморного льва
внезапно занесло к аэропорту?
Лаская гриву, шелестит трава.
Он дремлет, положив на лапы морду,
и мрамор шёлков, сумраком ночным
укрыт от слишком пристального взора.
Лев нежится. Мы с ним вдвоём молчим,
ловя под лавровишней слабый шорох,
с каким небесный круг в созвездье Льва
приходит, звякнув дверью потаённой.
И волосы мои поцеловав,
застынет воздух.
Пояс Ориона
застёгнут на три дырочки.
Луна,
рождённая вот-вот, перед рассветом
свой парус тонкий выгнула, полна
невидимого солнечного ветра.
При лунном свете мрамор как живой:
не тень скользит —
то лев чуть слышно дышит,
касаясь августейшей головой
пускай не лавров, ладно — лавровишен.
Прими свой Крым и вечным, и живым,
открыв его небесные ворота,
когда тебя таврические львы
встречать выходят чуть не в зал прилёта.

МЕДЬ

За «Рио-Ритой» в парк Победы
июльским вечером приеду.
Ах, трубачи, поддайте меди,
а я отсыплю серебро.
Кружатся под софорой пчёлы
под выкрики трубы весёлой,
и крутобокая валторна
отставит в сторону бедро.

Дыши,
«Рио-Рита»,
котомка травами набита,
под шляпой-соломкой
почти не видно седины.
...Помнишь май у театра
и те весенние объятья?
Кто только с фронта, кто от парты
встречались в шесть
после войны.

Расселены полуподвалы.
Из общежитий, коммуналок
она лилась ещё, звучала,
но разъезжались кто куда.
Мелькали и терялись лица
друзей, и веера альбиции,
что летом розовым пушится,
смахнули прежние года.

Гори,
«Рио-Рита»,
у мамы платье в розах сшито,
и галстук в полоску
на фотоснимке у отца.
Королёк над лавандой,
балкон, увитый виноградом,
и комендантские наряды,
и ламца-дрица-и-цаца.

На танцплощадках-сковородках,
куда сбегали одногодки
в клешах и юбочках коротких —
и были ночи коротки —
забыта, смолкла «Рио-Рита»,
иными песнями забита.
И новые возили ритмы
из дальних рейсов моряки.

В толпе курортной и случайной
я поймана твоим звучаньем.
В футляре мелочь забренчала,
а в знойном мареве плывёт
на расстоянии ладони
весь из винтажных кинохроник
сверкающий легкомоторный
и прямокрылый самолёт.

О, этот флёр воспоминаний...
Софора мусорит цветами,
и барабанщик барабанит,
и трубачей картава медь.
И голоса жужжат, как пчёлы,
что собирают мёд софоры.
И перехватывает горло.
И слов не помню, жаль.
Не спеть.